

ХОРХЕ СЕРПИЕНТЕ

МЫ
ПОМНИМ
ТЕБЯ

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Хорхе Серпиенте
Мы помним тебя

«Автор»

2026

Серпиенте Х.

Мы помним тебя / Х. Серпиенте — «Автор», 2026

После долгих лет отсутствия Фрэнк Хардвик возвращается в Эш-Холлоу – маленький городок, который он когда-то поклялся навсегда оставить в прошлом. Но Эш-Холлоу не любит чужаков. Даже если они родились здесь. Вместе с детскими страхами, тяжёлыми воспоминаниями и тенью отца приходит понимание, что самое страшное наследство семьи Хардвиков – вовсе не старый дом. Прошлое не желает оставаться прошлым. Странные воспоминания вторгаются в настоящее, привычные вещи начинают казаться чужими, а мёртвые – ближе живых. Чем глубже Фрэнк погружается в прошлое своей семьи, тем тоньше становится грань между реальностью и кошмаром. Эш-Холлоу словно хранит память о событиях, которые никто не хочет вспоминать. В городе, где прошлое никогда не умирает, самым опасным врагом может оказаться не тот, кто скрывается в темноте, а тот, кто смотрит на тебя из зеркала.

© Серпиенте Х., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	11
Глава 3	18
Конец ознакомительного фрагмента.	23

Хорхе Серпиенте

Мы помним тебя

Глава 1

Фрэнк ехал домой. И это было плохо. Дома его никто не ждал. И это было хорошо.

Много лет он не был в Эш-Холлоу – своём родном городке. Фрэнк надеялся, что вырвался из этой провинциальной духоты. Хотя за это время мать несколько раз приезжала к нему в Ривертон, пыталась встретиться и поговорить, но Фрэнку каждый раз удавалось избежать этих встреч.

Несколько лет назад Фрэнк узнал, что все его родственники умерли. И надеялся, что теперь он полностью распрощался со своим прошлым. Что старый семейный дом растворится в его памяти и рассыплется в реальности, а история о многовековой вражде двух семей превратится в местную легенду.

Но вечерний поезд возвращал домой. Фрэнк сидел, уставившись перед собой. Красивый сельский пейзаж за окном не вызывал в нём ничего – ни интереса, ни ностальгии. Это только дорога в прошлое, такое же пустое, как и кошелёк Фрэнка.

Фрэнк отвернулся от окна, уткнувшись взглядом в потрёпанный журнал, валявшийся на откидном столике. Буквы расплывались, мысли путались. Он словно вновь переживал последние месяцы своей жизни в городе – череду унижительных отказов, пустые обещания, растущую как снежный ком долговую яму. От одной этой мысли по спине пробежала дрожь. В голове пульсировала единственная мысль: «Не получилось. Ничего не получилось».

Опустевший банковский счёт и отсутствие приличной работы и были теми причинами, что заставили Фрэнка вернуться. Он был уверен, что едет ненадолго: обдумать ситуацию, составить новый план. Продать старый особняк и таким образом поправить свои финансы. Дом давно был просто недвижимостью, с которой Фрэнк с радостью расстался бы.

Поезд дёрнулся, замедляясь, и Фрэнк вцепился в подлокотник. Объявление о прибытии на станцию прозвучало с металлическим скрежетом. Пассажиры зашевелились, доставая сумки с верхних полок. Фрэнк сидел неподвижно, словно прикованный к креслу. Он чувствовал, как внутри нарастает ком тошноты и удушливой ярости. Ярости на себя, на обстоятельства, на этот проклятый город, который словно специально затягивал его обратно.

Когда поезд остановился, Фрэнк медленно поднялся, стараясь не встречаться глазами с другими пассажирами. Он чувствовал на себе их взгляды – сочувствующие, любопытствующие, а может, и насмешливые. Ему казалось, они все знают, что он – неудачник, вернувшийся ни с чем.

Платформа встретила его промозглым ветром, Фрэнк машинально поправил воротник пальто. Деловой костюм сидел на нём безупречно – слишком хорошо для места, где одежда должна быть прежде всего прочной.

Под навесом он остановился и вдохнул, пытаясь унять дрожь. Воздух пах мокрым железом, гниющей листвой и чем-то ещё – старым, вьёвшимся, как запах дома, в котором давно не открывали окна. От этого запаха у него на секунду перехватило дыхание, и вдруг ясно вспомнилось, как он стоял здесь же много лет назад, уезжая. Тогда Фрэнк был уверен, что уезжает навсегда – и именно поэтому это ощущение показалось ему подозрительным, почти лживым. Он подумал, что запахи – самая надёжная форма памяти. Они не спрашивают разрешения и не интересуются, готов ли ты вспомнить.

Он не был дома долго. Десять лет. Нет, пятнадцать. Цифры путались, как имена дальних родственников, которых вроде бы должен помнить, но не хочешь. Прошлое не складывалось в

аккуратную историю – оно торчало обломками. Фрэнк давно понял, что лучше их не трогать. Стоит задеть один – и посыплются остальные, цепляясь за тебя, как ржавые гвозди.

Часы над выходом показывали без четверти одиннадцать. Стрелки ползли медленно, как будто и время в Эш-Холлоу работало спустя рукава. Фрэнк взял чемодан и направился к дверям.

У выхода стояла женщина. В свете лампы её лицо казалось бледным, почти прозрачным. Она смотрела на Фрэнка. Не мимо и не вслед – прямо, будто ждала именно его.

Он прошёл мимо и уже взялся за ручку двери, когда услышал голос:

— Я помню тебя.

Фрэнк обернулся.

— Простите?

Женщина сделала шаг вперёд. Вблизи он заметил её глаза – светлые, внимательные, слишком живые для такого уставшего лица.

— Я помню тебя, — повторила она. — Ты вернулся. Зачем?

Фрэнк быстро перебрал в голове знакомые имена. Ничего.

— Вы ошиблись, — сказал он. — Мы не знакомы.

Женщина едва заметно улыбнулась.

— Ошибки здесь редкость, — сказала она. — В Эш-Холлоу помнят.

Фрэнк поймал себя на том, что задержал дыхание. Фраза прозвучала не как угроза и не как странность – скорее как факт, установленный задолго до его возвращения.

— Мне нужно идти.

— Конечно, — ответила она спокойно. — Иди.

Фрэнк вышел на улицу. Холодный воздух ударил в лицо. Площадь перед вокзалом была почти пуста, а дома вокруг казались декорациями, оставленными после спектакля, который давно никого не интересовал. Он оглянулся.

Женщина всё ещё стояла у дверей.

— Не следовало сюда возвращаться, — сказала она тихо.

Фрэнк не ответил. Он опустил голову и пошёл прочь, волоча за собой видавший виды чемодан, набитый остатками его прежней, неудавшейся жизни.

Такси в Эш-Холлоу были редкостью, как и люди, что когда-то отсюда уехали и больше не вернулись. Чем дальше Фрэнк отходил от вокзала, тем плотнее становилась тишина. Она не была пустой – скорее выжидающей, как в доме, где кто-то затаился и не подаёт виду.

Улицы тянулись ровно, почти одинаково. Дома стояли близко друг к другу, словно земля здесь была слишком ценным ресурсом, чтобы тратить её на пространство между людьми. Фрэнк шагал всё быстрее, сам не сразу поняв почему. В большом городе он привык к шуму – к постоянному фону, который не давал мыслям задерживаться надолго. Здесь же каждая мысль отзывалась эхом.

Он ловил на себе взгляды из окон. Не прямые – украдкой, из-под занавесок. Ему казалось, что в некоторых домах свет гаснет именно в тот момент, когда он проходит мимо, будто кто-то не хотел быть увиденным. Фрэнк сказал себе, что это просто усталость после дороги. Но ноги всё равно не замедлили шаг.

Город вспоминался кусками, как плохо склеенный фильм. Почти в каждом воспоминании всплывали фамилии. Здесь ими пользовались чаще, чем именами.

Хардвик.

Блэквуд.

Здесь фамилии значили больше, чем имена. Фрэнк ненавидел это с детства. Он не понимал, почему фамилия должна значить больше человека. Почему чужой автоматически враг, а свой – прав, даже если он жесток или глуп. В семье это называли порядком. В городе – тра-

дицией. А он тогда уже чувствовал: всё это больше похоже на болезнь, которая передаётся не через кровь, а через память.

Он поймал себя на том, что идёт так же, как ходил отец: плечи чуть вперёд, взгляд прямой, будто улица принадлежит ему по праву. Это раздражало. Фрэнк замедлился, даже остановился на секунду, словно проверяя, не смотрит ли кто-нибудь.

— Чепуха, — пробормотал он.

Особняк Хардвиков стоял на своём месте, окружённый большим участком земли – роскошью для ЭшХоллоу и наглядным напоминанием о том, кому здесь издавна принадлежала сила, а кому оставалось довольствоваться теснотой. Странно, но сейчас Фрэнку понравился этот контраст: большой дом семьи Хардвик и много земли и маленькие участки остальных жителей. Фрэнк остановился напротив и несколько секунд просто смотрел на дом, не решаясь подойти ближе. Дом выглядел нежилым, но не заброшенным.

Фрэнк открыл калитку и направился к крыльцу. Каждый шаг отдавался внутри чем-то глухим, неприятным. Он поднялся по ступеням и открыл дверь.

Дверь скрипнула.

Звук был тем же самым, что и в детстве: длинным, тянущимся, будто дом сначала узнал его, а уже потом впустил. Фрэнк поморщился.

— Надо будет смазать, — сказал он вслух.

В прихожей было темно. Фрэнк нащупал выключатель не глядя – пальцы нашли его сразу, будто не прошло этих лет. Лампа мигнула и загорелась тусклым жёлтым светом, выхватывая из темноты знакомые очертания: вешалку, старое зеркало, полку для обуви. Всё стояло на своих местах.

Он повесил пальто – и только после этого понял, что повесил его не на своё место. Когда-то здесь висела куртка отца. Фрэнк быстро убрал руку, словно коснулся чего-то горячего.

— Хватит, — сказал он себе тихо.

Он прошёл дальше. Гостиная выглядела меньше, чем в воспоминаниях, но не беднее. Всё было на своих местах – как обычно. Диван, стол, старое кресло у окна. Фрэнк помнил, как в детстве пытался передвинуть это кресло, чтобы оно стояло ближе к телевизору.

Ему было лет восемь. В доме тогда стояла дневная тишина – та особая тишина, когда взрослые заняты своими делами и забывают о ребёнке. Фрэнк двигал кресло медленно, стараясь не скрипеть, словно совершал что-то запретное. Когда ножка всё-таки царапнула пол, звук показался ему оглушительным.

Мать просто стояла в дверях, наблюдая. Ничего не говорила. В этом молчании было больше давления, чем в любом крике. Потом она подошла, взялась за спинку кресла и вернула его на прежнее место – точно, до миллиметра.

— Оставь на месте, — сказала она. Не сердито. Почти спокойно.

— Почему? — спросил Фрэнк.

Мать посмотрела на него так, будто он задал вопрос о чём-то самоочевидном.

— Потому что всё должно быть на своих местах.

Фрэнк машинально подошёл к креслу и сдвинул его на несколько сантиметров. Совсем немного, почти незаметно. Он задержал дыхание, сам не понимая зачем.

Ничего не произошло.

Он выдохнул и прошёл на кухню. Стол у окна, раковина, шкафы.

Фрэнк открыл один из шкафов. Посуда стояла аккуратными рядами. Он взял чашку и тут же поставил её обратно в шкаф. Но на другое место. Намеренно. Это действие принесло странное, почти детское удовлетворение.

В доме было слишком тихо. Не той спокойной тишиной, которая приходит ночью, а напряжённой, как в комнате ожидания. Фрэнк поймал себя на том, что прислушивается, и это ему не понравилось.

Он поднялся по лестнице. Ступени не скрипели – и от этого стало ещё хуже. Наверху, в коридоре, было прохладно. Двери комнат стояли закрытыми, как люди, которые не хотят разговаривать.

Он зашёл в свою старую спальню. Кровать, шкаф, стол у стены. Всё выглядело так, словно его просто давно не было. Фрэнк сел на край кровати и почувствовал, как матрас слегка просел ровно в том месте, где он всегда садился раньше.

В этот момент входная дверь скрипнула длинно и протяжно, будто кто-то медленно открыл её.

Фрэнк вышел из комнаты и спустился вниз. Прихожая была пуста, а дверь закрыта.

Он долго не мог уснуть. Он лежал, глядя в потолок, где тени распались на кривые лучи, похожие на трещины. Дом издавал звуки – тихие, разрозненные, будто проверял, слышат ли его. Где-то щёлкнуло дерево. В стенах прошёл едва заметный вздох. Слишком много тишины для старого дома и слишком много жизни для пустого.

Он сказал себе, что усталость и дорога делают с людьми странные вещи. В большом городе такие ночи лечились шумом – проезжающими машинами, голосами за стеной, лифтом, который обязательно поедет в три утра. Здесь ничего этого не было. Здесь ночь принадлежала дому.

Фрэнк закрыл глаза.

Ему приснилось, что он стоит в прихожей. Свет горит так же тускло, как наяву. Вешалка справа. Дверь впереди. Всё знакомо и потому неправильно. Он знает, что должен выйти, но не может заставить себя сделать шаг. Пол тянет, как вязкая грязь.

За спиной кто-то кашлянул.

Фрэнк попытался обернуться – и проснулся.

Он сел на кровати, чувствуя, как сердце быстро колотится. В комнате было темно, но не полностью: лунный свет пробивался сквозь щель в шторах. Несколько секунд он просто сидел, прислушиваясь.

Звуки шагов. Кто-то находился внизу, в гостиной. Потом звук передвигаемой мебели. Нарочито громкий, словно незнакомец специально хотел привлечь к себе внимание.

Странно, но Фрэнка это нисколько не взволновало. Он встал с кровати и вышел в коридор. Дом казался другим – не враждебным, а настороженным, как человек, который притворяется спящим. Фрэнк спустился по лестнице, ступая осторожно.

В гостиной кресло снова стояло у окна.

Не там, где он его оставил.

Фрэнк остановился. В груди поднялось холодное раздражение, почти злость – чувство знакомое, старое. Он подошёл к креслу и резко отодвинул его.

— Хватит, — сказал он громче, чем собирался.

Эхо отозвалось глухо.

Он вернулся в спальню и лёг. Сон пришёл обрывками.

Утром Фрэнк проснулся от света. Солнце стояло высоко, как будто ночь здесь прошла быстрее, чем должна была. Горький привкус во рту и ощущение тяжести в голове – вот что встретило Фрэнка при пробуждении.

Он лежал, позволяя себе редкую роскошь – несколько минут ни о чём не думать. Не вспоминать дорогу, не прикидывать, что делать дальше, не прислушиваться к дому. Просто лежать.

Его взгляд упал на книжную полку, висевшую напротив кровати.

Она осталась почти такой же, как в детстве. Те же неровно стоящие книги, те же выцветшие обложки, которые он когда-то перебирал пальцами, выбирая, что почитать сегодня. Некоторые книги он давно забыл. Другие – нет.

«Морской волк» Джека Лондона стоял в конце полки. Чуть в стороне от других книг. В детстве эта книга злила его.

Не пугала, а именно злила. Он читал её упрямо, иногда через силу, будто спорил с каждой страницей. Волк Ларсен – персонаж, которого Фрэнк не хотел признавать. Он казался слишком простым объяснением мира. Слишком уверенным. Слишком цельным. Фрэнк закрывал книгу с ощущением, что кто-то нагло упростил всё и назвал это правдой. Всё, что он чувствовал сложным, оказывалось лишним.

Ему хотелось, чтобы Ларсен ошибся. Чтобы его уверенность дала трещину. Чтобы мир оказался шире и сложнее, чем тот, который этот человек навязывал всем вокруг.

Позже, уже в Ривертоне, воспоминание о книге иногда возвращалось – без сюжета, без сцен. Просто как мысль, застрявшая где-то на заднем плане. В те дни, когда что-то не складывалось. Когда он уступал, объясняя себе, что так правильнее, что не всё в жизни решается силой. В такие дни у него возникало странное, почти постыдное ощущение: он знал другой способ действовать.

Фрэнк тогда отмахивался от этой мысли. Списывал её на усталость, на раздражение, на желание найти простой ответ. Ведь именно от этого взгляда на мир он и бежал из Эш-Холлоу. Но сейчас, лёжа в доме, где каждый предмет помнил его лучше, чем он сам, эта мысль не показалась ему такой уж чужой.

Может, мир и правда проще, чем он хотел верить. Может, сила – это не жестокость, а отказ сомневаться.

Фрэнк просто лежал и смотрел на полку, позволяя мысли остаться незакрытой – как книге, которую однажды отложили, но так и не убрали далеко.

Но, в конце концов, он сказал себе, что это всего лишь утро. Что впереди обычный день. И надо начать его с завтрака, а не с философии. Он встал и вышел из спальни.

Коридор встретил его тишиной. Двери других комнат тянулись вдоль стен, закрытые, не желающие разговаривать. На стенах висели портреты – знакомые лица, потемневшие от времени. Мужчины и женщины смотрели прямо перед собой, с одинаковым выражением спокойной уверенности, словно знали что-то, чего не знал он.

В детстве Фрэнк всегда боялся этих портретов. Ему казалось, что они следят за ним, осуждают его за то, что он не такой, как они. Он всегда радовался, что его комната находится ближе к лестнице, и ему не нужно было идти по длинному коридору под их пристальными взглядами.

Сейчас одна его часть, странно, испытывала желание пройтись по коридору, заглянуть в комнаты, прикоснуться к прошлому. Но другая часть, более разумная и осторожная, сопротивлялась этому желанию. Она боялась, что прошлое затянет его, лишит воли, превратит в одного из этих мёртвых людей на портретах.

Он выбрал лестницу и спустился вниз.

На кухне было светло и холодно. Он открыл холодильник и достал еду, привезённую из города – пару бутербродов, бутылку воды. Завтрак чужака, человека, который не собирался задерживаться.

Поставил чайник на плиту, открыл шкаф, чтобы взять чашку. И замер, нахмурился.

Чашка стояла на своём месте.

Именно там, где ей и положено было стоять.

Он был уверен, что накануне намеренно поставил чашку на другое место. Он ясно помнил это чувство – мелкое, упрямое удовлетворение. Теперь всё было исправлено. Он задумался на секунду, вспоминая свои другие частые забывания.

В его голове раздался голос матери: «Порядок – это когда всё на своих местах».

Глава 2

«Просто устал. Слишком много всего навалилось за последние дни», – подумал Фрэнк. – «Надо заняться чем-то, чтобы разгрузить голову. Например, смазать дверь. Да, эту чёртову дверь надо заткнуть».

Он быстро доел бутерброды и направился к сараю, который находился за домом. Дверь сарая с трудом поддалась, открываясь с противным скрежетом.

Внутри пахло пылью, старым бензином и машинным маслом. Запах был резкий, но знакомый. Здесь стоял пикап отца – тёмно-зелёный, с поцарапанным кузовом и потускневшей эмблемой. Машина выглядела спокойно и уверенно. «Как отец», – Фрэнк остановился, глядя на неё.

Фрэнк подошел к пикапу и провел рукой по его борту. Внезапно его накрыло воспоминание.

Он маленький, лет семи, сидит рядом с отцом в этой самой машине. Они куда-то едут по грунтовой дороге, поднимая клубы пыли. Отец что-то рассказывает ему о земле, о лесе, о том, как важно держать всё в порядке. Фрэнк не слушает, ему просто нравится быть рядом с отцом, чувствовать его спокойную силу.

А потом картина поменялась. Он подростком, лет пятнадцати, сидит в этой же машине с отцом. Но теперь между ними напряжение. Отец кричит на него, обвиняя в том, что он не интересуется семейным делом, что он хочет уехать в город и забыть о своих корнях. Фрэнк молчит, сжимая кулаки. Он ненавидит этот пикап, этот город, эту семью. А потом это ненависть захлестывает всё сознание, становится почти физическим ощущением.

Фрэнк помотал головой, отгоняя воспоминания. Нужно было сосредоточиться на деле. Он нашел в углу гаража старую маслёнку, наполненную густой, черной смазкой. «Подойдёт», – подумал он, выходя из гаража.

Вернувшись к входной двери, Фрэнк тщательно смазал петли. Он чувствовал странное спокойствие. Работа была простой, понятной. Дверь закрылась бесшумно. «Вот и всё», – подумал он, вытирая руки тряпкой.

— Доброе утро, мистер Хардвик! — услышал он.

Фрэнк вздрогнул от неожиданности и обернулся. У калитки стоял мужчина лет пятидесяти с небольшим – коренастый, в выцветшей куртке и рабочей кепке. Лицо его было обветренным и морщинистым, но глаза светились доброжелательностью.

— Мы знакомы? — спросил Фрэнк.

Мужчина улыбнулся.

— Артур Хаксли. Я по соседству. Мы с вашим отцом — он замялся на долю секунды, — работали.

— Доброе утро, Артур, — ответил Фрэнк, стараясь выглядеть непринужденно.

— Рад видеть вас снова в Эш-Холлоу, мистер Хардвик, — сказал Артур, подходя ближе. — Давно вас не было. Решили вернуться?

— Приехал ненадолго, — уклончиво ответил Фрэнк.

— Надеетесь остаться? — спросил Артур, лукаво прищурившись. — Все мы надеемся, что вы продолжите дело своего отца. Раньше мы хорошо работали с вашей семьёй и я, и отец мой, и дед. Да. А теперь поля зарастают сорняками.

Фрэнк вздохнул.

— Знаете, Артур, я приехал, чтобы продать дом и уехать обратно в город.

Лицо Артура вытянулось.

— Продать? — переспросил он. — Да кто же его купит? Это же дом Хардвиков! Да и кому нужен этот дом с нашей-то историей.

Фрэнк пожал плечами.

— Мне он точно не нужен.

— Ну, это ваше дело, конечно, мистер Хардвик, — сказал Артур, вздыхая. — Но я бы на вашем месте сначала разобрался с долгами. Говорят, у Хардвиков долги по налогам на землю накопились немалые. Давненько вы счета не оплачивали.

Фрэнк нахмурился.

— Долги?

— Да, вам бы в почтовый ящик заглянуть, — посоветовал Артур. — Там, наверное, уже целая гора уведомлений образовалась. А потом надо бы в мэрию зайти, к мистеру Рэнквисту. Он поможет вам привести дела в порядок, подскажет, как снова запустить семейный бизнес. И долги немного спишет. Всё-таки нужно помогать тем, кто несёт ответственность. Если вы, конечно, понимаете о чём я. Ведь мэрия находится на этой стороне реки, — Артур хитро подмигнул.

— Спасибо за совет, Артур, — ответил Фрэнк.

— Всегда рад помочь, мистер Хардвик. И помните, если вам понадобится помощь — обращайтесь.

Артур кивнул и пошел прочь, а Фрэнк остался стоять у двери, глядя ему вслед. Он чувствовал, что в словах соседа скрыто что-то большее, чем просто дружеское участие. Он чувствовал, что его пытаются втянуть в какую-то игру.

Долги. Долги — это как ловушка. Фрэнк удивился, что мысль о такой неприятности не приходила ему в голову. Но, с другой стороны, отец всегда очень щепетильно относился к управлению семейной собственностью и странно, что он запустил дела. Теперь нужно было разобраться ещё и с этими проблемами, прежде чем продать дом и уехать.

Фрэнк вздохнул и направился к почтовому ящику. Там его ждал целый ворох неприятных сюрпризов.

Он открыл конверты не сразу. Сидел за кухонным столом, разложив почту веером как колоду карт. Бумага была плотной, официальной, с углами, которые царапали пальцы. Такие письма не спешат читать.

Он выбрал первое наугад. Текст был сухой, аккуратный, будто писал его не человек, а механизм. Ни угроз, ни эмоций. Просто напоминание. Просто сроки. Просто последствия, если ничего не сделать.

Фрэнк отложил письмо и взял следующее. Потом ещё одно.

К третьему он уже перестал читать строки подряд — взгляд цеплялся за одинаковые слова, повторяющиеся снова и снова. Обязательства. Начислено. Подлежит урегулированию.

Сумма долга была внушительной. Продать дом, пока висят эти долги, не получится. Платить было нечем.

Он почувствовал знакомое давление под рёбрами. Сначала пришло раздражение. Потом — злость. И только потом, медленно, как холод из под пола, подкралось понимание.

Это было не чем-то новым, а накопленным.

Дом стоял здесь годами, земля лежала без движения, лес рос — и всё это время счётчик крутился. Незаметно. Просто делал свою работу — отсчитывал долги и штрафы за просрочку.

Фрэнк откинулся на спинку стула и посмотрел в окно. Двор был пуст. Ничего не происходило. Именно так всегда и начинались самые неприятные вещи. Он мысленно прикинул, сколько у него есть времени. Сколько дней. Каждый из них сколько-то стоил.

Продать дом?

Он хмыкнул.

Дом Хардвиков не продавался. Его передавали. Или теряли. Но не продавали — об этом здесь знали все, даже те, кто делал вид, что не верит в старые правила.

Уехать прямо сейчас означало оставить всё это без ответа. Оставить письма, сроки, имена – и дать им вернуться позже, но уже в худшей форме.

Уехать прямо сейчас – означало снова убежать. Проиграть в очередной раз.

Фрэнк сложил бумаги обратно в конверты и аккуратно убрал их в ящик стола. Движения были спокойные, почти деловые. Именно так он всегда поступал с вещами, которые не хотел признавать опасными.

Он встал, прошёлся по кухне и остановился у двери.

Мысль о Ривертоне всплыла сама собой – тёплая, почти утешительная. Там всё было проще. Там он уже умел проигрывать и делать вид, что это временно.

Фрэнк задержал дыхание.

— Сначала разберусь, — сказал он вслух, хотя в доме никого не было. — Потом уеду.

По дороге в мэрию Фрэнк решил зайти в знакомый ему с детства магазинчик Холлисов. Тот стоял на углу, на главной улице. Низкое здание с выцветшей вывеской и окнами, в которых всегда было чуть темнее, чем на улице. Через всю вывеску тянулась трещина – эту деталь Фрэнк не помнил.

Колокольчик над дверью звякнул, и этот звук показался Фрэнку неприятным. Запах был знакомый – мука, кофе, мыло и что-то старое, не имеющее названия. Запах мест, которые не меняются.

За прилавком стоял Говард Холлис. Он поднял взгляд и не сразу, но узнал Фрэнка.

— Здравствуйте, — сказал он. — Давно не виделись.

Это было не вопросом и не упреком. Просто констатацией времени.

— Доброе утро, — ответил Фрэнк.

Он взял корзину и пошёл вдоль полок. Выбирал самое простое – хлеб, консервы, кофе. Руки двигались чуть неловко, будто он снова был подростком, зашедшим сюда по поручению отца.

— Надолго к нам? — спросил Холлис, расставляя какие-то коробки.

— Пока разбираюсь с делами, — сказал Фрэнк. — Надо в мэрию зайти.

Холлис медленно кивнул.

— Ну — протянул он. — Человек там сидит непростой.

— Мэр? — уточнил Фрэнк.

— Да. Хитрый человек. Не из местных, — сказал Холлис и едва заметно улыбнулся. —

Но вы должны его помнить – это мистер Рэнквист.

Мэри Холлис стояла у дальнего стеллажа и делала вид, что занята товарами. Фрэнк чувствовал её взгляд спиной – спокойный, оценивающий.

— Твой отец всегда говорил: дела лучше держать в движении, — продолжил Холлис. — Когда земля работает, город дышит.

Фрэнк посмотрел на него.

— Я не уверен, что хочу этим заниматься.

Холлис пожал плечами.

— Никто никогда не уверен, — сказал он. — Просто некоторым приходится.

Фрэнк выложил покупки на прилавок. Холлис пробил их, потом помедлил, взял с витрины кусок пирога, положил в бумажный пакет и добавил к покупкам.

— Это от нас, подарок. — Сказал он. — Вам нравился этот пирог, когда вы были ребёнком. Почти каждый день у нас покупали.

Говард посмотрел прямо в глаза Фрэнку:

— С возвращением, мистер Хардвик.

— Я могу заплатить.

— Знаю, — ответил Холлис. — Но это подарок.

— Спасибо, — сказал Фрэнк неуверенно.
Хотел добавить ещё что-то, но только кивнул и вышел.
Колокольчик снова звякнул.

Мэрия Эш-Холлоу располагалась в центре города старом здании из красного кирпича. Внутри было тепло и тихо.

Фрэнк подошел к стойке секретарши, за которой сидела пожилая женщина в очках.

— Добрый день. Я Фрэнк Хардвик. Мне нужно поговорить с мэром.

— Как удачно! Мистер Рэнквист знал, что вы придёте, и просил сразу проводить вас к нему. Идите за мной.

«Знал, что я приду и, более того, ждал меня. С чего бы это? Я ведь только вчера вечером приехал. Похоже, новости здесь распространяются слишком быстро», — думал Фрэнк по пути к кабинету мэра. «Хитрый человек», — вспомнил он слова Холлиса, — «не местный».

Фрэнк бывал в кабинете мэра несколько раз в детстве. Тогда кабинет был совсем другим — скорее памятником прошлой эпохе, пропитанным ароматом старого дерева и вишнёвого табака, который курил предыдущий глава города.

Сейчас кабинет был типичным офисом. Большое окно выходило на главную улицу, так что сидящий за столом человек видел город целиком — как на ладони. Гарольд Рэнквист поднялся навстречу Фрэнку сразу, без спешки, но и без показной важности.

Он был выше среднего роста, сухощавый, с аккуратно подстриженными седеющими волосами и лицом человека, привыкшего говорить мягко и слушать внимательно. Улыбка у него была вежливой, располагающей.

— Мистер Хардвик! — приветливо произнес Рэнквист, протягивая руку. — Проходите, присаживайтесь! Очень рад видеть вас в добром здравии.

Рукопожатие было коротким и сильным. Рэнквист сел первым, жестом указав Фрэнку на кресло напротив.

— Рад познакомиться, мэр Рэнквист, — сказал Фрэнк.

— Зовите меня просто Гарольд, — ответил мэр, улыбаясь. — Тем более что мы с тобой уже знакомы. Хотя виделись давно — ты тогда был подростком, а я простым клерком в мэрии. Помнишь?

Фрэнк кивнул.

— Да, было дело. Тогда отец заходил решать вопросы, связанные с нашим семейным бизнесом.

Переход на «ты» не понравился Фрэнку. И вспоминать прошлое он тоже не желал.

— А теперь ты «мистер Хардвик» и пришёл сам решать вопросы, — мэр снова улыбнулся, пытаясь выглядеть максимально дружелюбно. — Что привело тебя в мой кабинет?

— Я думаю, что раз вы меня ждали, то в курсе проблем, с которыми я пришёл, — Фрэнк выпрямился в кресле и расправил плечи, демонстрируя свои внушительные габариты. — Не так ли?

— Да, конечно, Фрэнк. Просто я не хотел начинать разговор резко, с неприятного, — улыбка не сходила с лица Рэнквиста, но в глазах мелькнула досада.

Из ящика стола он достал папку и стал листать документы.

— У твоей собственности накопилось много долгов по налогам. Я прав? — Мэр бросил взгляд на Фрэнка. — И предположу, что ты приехал с желанием всё продать, но эти долги стали большой проблемой?

— Всё так, — согласился Фрэнк.

— Да, плохо дело. Но мы что-нибудь придумаем, — в голосе Рэнквиста звучала искренняя забота, но Фрэнк чувствовал какой-то подвох.

— Эш-Холлоу – город, где всё взаимосвязано. Любое решение может отразиться на всех. Мы все – большая семья, понимаешь? — продолжил мэр. — Сейчас твоя земля стоит без дела. Когда был жив твой отец, земля работала и давала работу многим жителям нашего города. А потом Потом твоего отца не стало и часть жителей лишилась работы. Теперь ты приехал и можешь исправить ситуацию.

— И что вы предлагаете? — спросил Фрэнк.

Рэнквист чуть подался вперёд и понизил голос:

— Ты же понимаешь, что долги нужно выплачивать, и я готов помочь. Муниципалитет готов рассмотреть вопрос о приобретении земли. По хорошей цене, разумеется. Мы понимаем, что у тебя могут быть финансовые трудности. Мы можем помочь тебе закрыть долги. Оформить документы. Избавиться от головной боли.

Рэнквист замолчал и внимательно посмотрел на Фрэнка, ожидая реакции.

— Вы хотите, чтобы я продал землю вам? — прямо спросил Фрэнк.

— Не продал, а позволил ей вернуться в лоно города, — поправил мэр. — Это ведь на благо всех, Фрэнк. И в первую очередь для тебя. Ты получишь хорошие деньги, избавишься от проблем. А то, знаешь ли, злые языки начнут говорить, что Фрэнк Хардвик отказался решать проблему города. Лишает людей работы. Придётся через суд изымать землю в пользу города

Фрэнк напрягся, но прежде чем он сумел вставить слово, мэр продолжил:

— Я готов купить у тебя всю землю прямо сейчас. И даже часть денег дам наличными. Ты заплатишь долги, и мы сможем оформить официальный договор, а я выплачу тебе остальную сумму.

— Какую цену вы предлагаете?

— Ну, учитывая долги и сегодняшнюю рыночную ситуацию, я готов предложить — Рэнквист написал сумму на листке бумаги и протянул его Фрэнку.

Фрэнк удивленно поднял брови. Цена казалась слишком низкой.

— Мой отец научил меня другому, мэр Рэнквист. Он научил меня ценить то, что принадлежит тебе по праву. Этого мало. Земля Хардвиков стоит гораздо дороже.

Рэнквист пожал плечами.

— Это мое последнее предложение, — сказал он. — Решай сам. Тебе нужно быстро закрыть долги, а у меня есть деньги.

Фрэнк молчал, обдумывая предложение мэра. С одной стороны, это был быстрый способ избавиться от проблем. С другой стороны, ему не хотелось продавать семейную собственность за бесценок – он надеялся на вырученные деньги открыть бизнес в Ривертоне. Фрэнк вдруг почувствовал в себе какое-то упрямство, чувство собственности. Он не мог просто так взять и отдать землю, которую веками обрабатывали его предки.

— Мне нужно подумать, — сказал Фрэнк. — Вы же понимаете, для меня это память

— Хорошо, — ответил Рэнквист, поднимаясь из-за стола. — Но не затягивай с решением.

Фрэнк встал и пожал руку мэру.

— Спасибо за разговор, — сказал он.

— Всегда рад помочь, мистер Хардвик, — ответил Рэнквист, провожая его до двери. — И помни, мы здесь все – одна большая семья, Фрэнк.

Выйдя из мэрии, Фрэнк несколько минут стоял, погружённый в свои мысли. Продать дом и землю, уехать отсюда, теперь уже навсегда. Отличный вариант. Но продать их Рэнквисту, да ещё и за бесценок – ну уж нет. Всё это стоит намного дороже, думал Фрэнк, хотя не имел ни малейшего представления о реальной цене. Но вся эта собственность принадлежала теперь ему, а значит, стоила дорого.

Пока Фрэнк стоял, мечась между жадностью и желанием уехать, какая-то женщина подошла и схватила его за рукав.

— Томас! — воскликнула она, вглядываясь в его лицо воспаленными глазами. — Томас, ты вернулся! Я так рада!

Фрэнк опешил. Женщину он узнал – та самая, что встретила его вчера на вокзале

— Прошу прощения, вы ошиблись, — сказал Фрэнк, пытаясь высвободить руку. — Меня зовут Фрэнк.

Свет в её глазах мгновенно погас, и на смену радости пришло какое-то безумное отчаяние.

— Фрэнк? — прошептала она, и ее лицо исказилось в гримасе. — Фрэнк Ты! Это всё ты! Зачем ты вернулся?!

И прежде чем Фрэнк успел что-либо понять, она набросилась на него с кулаками.

— Верни мне Томаса! — кричала она, ударяя его по лицу и груди. — Верни мне моего сына! Ты его убил!

Фрэнк пытался защититься, но удары старухи, хоть и беспорядочные, были полны ярости. К счастью, прохожие быстро вмешались и оттащили её от Фрэнка.

— Оставьте меня! — кричала старуха, пытаясь вырваться. — Это он во всём виноват!

Проходящая мимо женщина с сочувствием посмотрела на эту сцену.

— Бедняга, — сказала она. — Не обращайтесь внимания. Она совсем плоха. Томас Блэквуд был её единственным сыном. Хороший парень был, да свернул не туда. После вашего отъезда совсем запил. Говорят, сам себе голову прострелил Горе у неё, вот и крыша поехала.

Фрэнк стоял, оглушённый услышанным. Томас Спился Самоубийство Он вспомнил Томаса, своего друга детства, с которым провел столько времени. Неужели это правда? А эта старуха, напавшая на него, выходит Бетти Блэквуд? Никогда бы не узнал в этой безумной старухе Бетти, полную сил и обладающую умным проницательным взглядом.

Оставив растерянную Бетти на попечении прохожих, Фрэнк медленно пошёл в сторону реки, протекавшей недалеко от мэрии. Он шёл прямо пока не оказался у старого каменного моста, перекинутого через реку, разделяющую Эш-Холлоу на две части.

Именно на этом мосту они встретились в первый раз.

Фрэнк тогда знал только одно: по эту сторону — Хардвики, по ту — Блэквуды. Этого было достаточно, чтобы не любить друг друга заранее. Томас стоял на мосту, держа в руках удочку, и смотрел на воду, будто она говорила с ним.

— Это место занято, — сказал тогда Фрэнк, повторяя слова отца.

Томас поднял глаза и пожал плечами.

— Река ничья.

Эта фраза удивила Фрэнка. В их доме ничего не существовало. Не найдя, что ответить, разматал свою удочку и встал рядом.

Сначала они держались настороженно. Разговоры были короткими, колючими. Они знали, какие фамилии носят, и этого было достаточно, чтобы ждать удара. Но удар не приходил.

Томас оказался тихим, внимательным. Он слушал больше, чем говорил, и никогда не спешил соглашаться. Они быстро нашли общий язык, потому что оба чувствовали себя чужими в своих семьях. Томас был мечтателем, любил книги и не интересовался властью и соперничеством, которые так волновали Блэквудов. Его не интересовали разговоры взрослых о земле и границах. Он говорил о будущем, о реке, которая меняется каждый день, и о том, что уехать из Эш-Холлоу можно, если сильно захотеть.

А Фрэнк, в свою очередь, тяготился постоянным давлением отца, требовавшего от него быть достойным продолжателем дела Хардвиков.

Фрэнк тогда впервые почувствовал, что его слышат не как Хардвика, а как человека.

Они встречались почти каждый день. За городом, в том месте, где лес спускался к самой реке. Они построили шалаши и часами сидели в нём, болтая о будущем, о книгах и обо всём на

свете. Или шли к реке и ловили рыбу. Там они чувствовали себя в безопасности, скрываясь от взглядов взрослых.

А потом всё сломалось.

В тот день Томас подошёл быстро, неожиданно и в его глазах было что-то новое – злое, отчаянное.

— Ты убил его! — закричал он и ударил. — Ты убил его, чудовище!

Фрэнк пытался защититься, объяснить, но Томас не слушал. Ярость ослепила его, и он продолжал наносить удары. Они дрались недолго, но яростно. Потом Томас убежал, не оглядываясь.

После той драки их дружба закончилась. Они больше не разговаривали и не встречались. Фрэнк несколько раз приходил и к мосту и к их шалашу, но Томаса больше не видел.

Глава 3

Пока Фрэнк шёл домой, воспоминания о Томасе отошли на задний план. Странное чувство расплзалось по телу Хардвика – он только сейчас начал по-настоящему осознать, что теперь все семейные владения принадлежат ему. Эти обширные поля рядом с Эш-Холлоу, большой участок леса у реки и старый особняк – всё это теперь принадлежит только ему. И он принадлежит этой земле. Без него она будет другой, начнётся другая история.

Он вспомнил про отцовский пикап, стоявший в сарае. Ключи нашлись в банке из-под кофе там же на полке.

Фрэнк залез в кабину, вдохнул запах старой кожи и табака. Он никогда не понимал отца и его одержимость землёй. Но сейчас ему захотелось увидеть владения своей семьи, свою землю. Он повернул ключ зажигания. Двигатель закашлялся, но потом ожил, изрыгая облако сизого дыма. Фрэнк невольно усмехнулся. Громкий звук мотора заполнил всё вокруг, заставив вздрогнуть ворон на ближайшем дереве.

Он выехал из гаража и направился по дороге, ведущей к владениям Хардвиков. Пейзаж по обе стороны был мрачным: поля, с одной стороны, обрамленные непроницаемой стеной леса, а с другой спускающиеся к реке. Весна ещё не вступила в свои права, и пейзаж казался каким-то печальным и обречённым. Сырость пронизывала воздух.

Внутри пикапа, в бардачке, Фрэнк нащупал пачку сигарет, которые когда-то курил отец. Сам Фрэнк никогда не курил, но внезапно ему захотелось попробовать. Что за импульс? Глупость какая-то. Он достал сигарету, поднёс к губам и щёлкнул зажигалкой. Дым обжег горло, вызвав приступ кашля. Он остановился, откинулся на спинку сиденья и посмотрел на пейзаж. В Ривертоне он был никем. А здесь... Здесь хотя бы воздух чище.

Он выкинул сигарету из окна и снова завёл двигатель. Проехав ещё несколько километров, он увидел впереди старую мельницу. Она стояла на берегу реки, полуразрушенная и заброшенная, словно призрак давно ушедшей эпохи. Фрэнк остановился.

Река в этом месте была не такая полноводная, как в детстве, а обмелевшая и заросшая кустарником. Вода казалась тёмной и неподвижной, словно зеркало, отражающее серые тучи. Сама мельница – деревянная, с обвалившейся крышей, навевала тоску. Колесо мельницы давно сгнило и на берегу в грязи были разбросаны остатки кирпичей и досок. Вокруг сильно пахло плесенью и сыростью.

Здесь было тихо, очень тихо. Слышно только слабое журчание воды и скрип старых деревьев. Ветер пронизывает насквозь, заставляя дрожать.

В детстве мельница вызвала у Фрэнка любопытство и страх. Ему одновременно было интересно исследовать это заброшенное место и жутко от одной мысли об историях, которые рассказывали о нём.

Потом Фрэнк ехал всё дальше и дальше. Не спеша, осматривая из окна пикапа заброшенные поля с пожухлой травой и тёмную стену леса за ними. Он поймал себя на мысли, что испытывает чувство спокойствия и удовлетворения, как кот, греющийся на солнце.

Дорога упиралась в старое кладбище, заросшее травой и кустарником. Здесь хоронили только членов «старых» семей, тех с кого начинался Эш-Холлоу. Старые надгробные плиты, покосившиеся и покрытые мхом, хранили всю историю этого городка. Могилы принадлежали в основном Хардвикам и Блэквудам. В детстве Фрэнк ходил между могил, читал имена и даты. Иногда он был здесь с отцом и тогда старший Хардвик говорил: «Здесь покоятся наши предки, Фрэнки. Они построили этот город, они жили и работали на этой земле. Мы должны помнить их. Мы должны чтить их память. Все мы смертны. Но наши имена должны жить в памяти потомков. Мы должны оставить после себя что-то хорошее, что-то, чем мы можем гордиться».

Сейчас Фрэнк не стал заходить на кладбище. Ведь там лежал его отец. И мать. И все остальные. Пусть они останутся там, в прошлом. Он снова завёл двигатель и решил вернуться в дом.

Солнце уже садилось, когда Фрэнк подъезжал к Эш-Холлоу, набегавшие тучи обещали скорое начало дождя. Когда пикап вынырнул из-за поворота, на дорогу перед ним выбежала собака. Небольшая дворняга с длинной рыжей шерстью. Пикап резко затормозил, чуть не сбив животное. Ремень больно врезался в грудь, колёса взвизгнули. Собака остановилась посреди дороги, посмотрела на него своими жёлтыми глазами и скрылась в придорожном кустарнике.

Фрэнк выругался сквозь зубы, отпуская педаль тормоза. Сердце колотилось как бешеное. Он несколько раз моргнул, пытаясь понять, что только что произошло. Ему показалось? Это же невозможно.

И тут его словно ударило током. Это Олли – пёс Томаса. Фрэнк отчетливо помнил его – весёлого и любопытного постоянного спутника своего друга. Одно ухо у него стояло торчком, а второе было сломано, что придавало его мордочке забавное выражение. В силу природного любопытства Олли постоянно исследовал окрестности, из-за чего в длинной шерсти набивалось полно листьев и репейных колючек.

Неужели... Это совпадение? Ледяная дрожь пронзила его до костей. Но Олли... умер. Давно. Абсолютно точно. Но нелепая мысль, невозможная, засела в голове, от неё нельзя было избавиться. Это была не просто похожая собака. Это была та самая.

Фрэнк вдавил педаль газа в пол, пикап взревел, срываясь с места. Он хотел как можно скорее убраться отсюда. Ему вдруг стало нестерпимо страшно – страшно так, как не было уже много лет. Страшно по-детски, безотчетно, до дрожи в коленках.

Что это было? Что это значит?

Когда Фрэнк въехал в Эш-Холлоу, уже шёл дождь. Он с облегчением выдохнул, увидев знакомый силуэт дома впереди.

Заехав на участок и не загоняя машину в сарай, Фрэнк бросился к дому. Он толкнул дверь... и она легко открылась.

Открыта?

Внутри было темно и тихо. Он нащупал выключатель и щёлкнул им. Тусклый свет люстры осветил прихожую.

На полу, прямо перед ним, были мокрые следы. Собачьи следы. Отчётливые отпечатки лап, теряющиеся в гостиной. Сердце снова бешено заколотилось. Страх, который, казалось, отступил, вернулся с новой силой. Фрэнк стоял, пытаясь убедить себя, что это могла быть бродячая собака. Что в этом нет ничего особенного. Но тело не верило этому объяснению. Плечи были напряжены, ладони влажные. Какое-то звериное чутьё предупреждало об опасности. Чутьё, о котором так любил говорить отец и которым очень гордился.

Фрэнк медленно прошёл в дом.

Дождь свирепствовал за окном, превращая дом в зыбкий корабль, затерянный в ночном шторме. Холод пробирался под кожу, и это был не только холод от промокшей одежды. Что-то ещё, ледяное, проникало в него, парализуя страхом.

Он медленно пошёл по следам, чувствуя, как пол под ногами предательски скрипит. Каждый звук отзывался эхом, превращая обычные шумы старого дома в предвестники чего-то непоправимого. Собственное дыхание казалось слишком громким.

Следы направлялись в гостиную, где в полумраке мебель казалась призрачными силуэтами. Фрэнк огляделся. Холод здесь был ещё сильнее, он ощущался почти физически, словно невидимый зверь дышал ему в затылок. Он видел, как воздух перед ним клубится еле заметным паром, словно он находился в морозильной камере.

«Кто здесь?» – прошептал он, и слова растворились в шуме дождя. Он почувствовал тошнотворный, гнилостный запах, постепенно усиливающийся. Сначала едва уловимый, как намёк, но теперь он душил, забивал ноздри. Запах мокрой псины и запах разлагающейся плоти.

В кухне следы вели к мусорному ведру. Фрэнк заглянул внутрь – ничего. Но запах здесь был особенно сильным, от него начинало тошнить. Холод окутывал его, каждый вздох давался всё тяжелее.

Следы вели на лестницу. Он поднялся наверх, в свою спальню, и здесь его пробрало до костей. Холод был невыносимым. В воздухе стоял запах могилы и сырости. Запах был настолько сильным, что в горле ощущался вкус гнили. На миг ему показалось, что он видит что-то тёмное, клубящееся в углу комнаты. Почудилось?

Он проверил окно. Закрыто. Заперто изнутри. Он прикоснулся к стеклу, и его пальцы тут же заледенели. На стекле проступил тонкий узор инея.

Фрэнк обыскал каждую комнату, каждый шкаф, каждый уголок дома. Ничего. Никого. Только гнилостный запах, леденящий холод и давящая тишина.

Вернувшись в прихожую, он замер. Следы исчезли. Их не было. Пол был идеально чист, словно их никогда и не существовало.

Рубашка стала мокрой от пота и прилипла к спине. Он проверил замки во всём доме ещё раз. Потом ещё.

Только когда усталость стала сильнее страха, Фрэнк поднялся наверх и лёг на кровать, не раздеваясь. Дом молчал.

Фрэнк проснулся в холодном поту. Ночной ужас, словно липкая паутина, все ещё опутывал его сознание, не давая вернуться в реальность. Он тяжело дышал, пытаясь стряхнуть с себя остатки кошмара.

Постепенно, как сквозь мутное стекло, к нему вернулось осознание: он в своей спальне, в своём доме, в Эш-Холлоу. Но жуткое ощущение не покидало его.

В кошмаре он снова был подростком, и возвращался домой после тайной встречи с Томасом Блэквудом.

И вот он открывает дверь, и его встречает тишина. Но тишина эта – зловещая. Обычно в это время дома кипит жизнь, но сейчас всё словно вымерло.

Его ждали в гостиной.

Отец сидел в своём кресле, чуть откинувшись назад, как человек, уверенный, что разговор уже состоялся – просто не вслух. Он не посмотрел на Фрэнка сразу, будто не видел в этом необходимости. Мать стояла у стены, сложив руки, и её лицо было спокойным, почти отстранённым. Дед и бабушка сидели рядом на диване. Только старшего брата Джона не было.

— Проходи, — сказал отец. — Закрой дверь.

Фрэнк закрыл. Щёлкнул замок.

— Мы знаем, где ты был, — продолжил отец.

Он говорил тихо, без злости. Это было хуже крика.

— Мы знаем о твоих... дружеских отношениях, — произнесла мать, и слово «дружеские» прозвучало как плевок. — С тем Блэквудом.

Фрэнк опустил глаза. Он знал, что это рано или поздно произойдёт, что они узнают.

— Я просто дружу, — сказал Фрэнк и удивился, как тонко и жалко прозвучал его голос.

— Дружба, — сказал отец медленно, будто пробуя термин на вкус. — Это когда ты можешь себе позволить ошибаться. Ты не можешь.

— Ты – член нашей семьи, Фрэнк, — продолжает отец, — и ты должен понимать, что мы стоим выше всей этой грязи Блэквудов! Они – наши враги!

— Но, отец, Томас... Он не виноват в этой вражде, — попытался оправдаться Фрэнк.

— Неважно. Ты считаешь, что можешь выбирать сам, — ответил отец. — Это детская мысль. Выбор – это роскошь тех, у кого есть запас прочности. У тебя его нет, ты просто ребёнок.

Отец встал. Он не приблизился сразу. Сначала просто выпрямился, и этого оказалось достаточно, чтобы пространство в комнате изменилось.

Фрэнк открывает рот, пытаясь что-то возразить, но не может произнести ни слова.

Некоторое время Фрэнк сидел на кровати. Тело было тяжёлым, а мысли вязкими. Наконец, звуки наступившего утра проникли в его сознание и вывели из оцепенения.

В ванную он пошёл почти машинально. Дверь оставил открытой намеренно. После ночи ему не хотелось оказываться в замкнутом пространстве. Открытая дверь была чем-то вроде страховки – глупой, но необходимой. Пока он видел коридор, казалось, что ещё контролирует ситуацию.

Фрэнк наклонился над раковиной и умыл лицо холодной водой, пытаясь смыть остатки кошмара. Потом выпрямился. В зеркале, увидел отца, стоящего у него за спиной.

Не расплывчатый силуэт и не тень – он выглядел вполне реальным. Высокий, прямой, в тёмной рубашке с закатанными рукавами. Лицо спокойное, почти усталое. Именно таким он бывал, когда собирался сказать что-то окончательное.

— Ты впустил чужую собаку в мой дом, — произнёс он ровно.

Фрэнк резко обернулся.

Ванная была пуста. Только зеркало, только он сам и громкий стук сердца в ушах.

Он сделал шаг к выходу.

Дверь захлопнулась.

Звук был коротким и окончательным. Фрэнк дёрнул ручку. Безрезультатно. Он надавил сильнее, чувствуя, как внутри поднимается знакомое, детское ощущение – не просто страх, а стыд за него. За слабость. За то, что снова оказался здесь.

— Откройся, — сказал он хрипло, сам не зная, к кому обращается.

Дверь не ответила.

Воздух в ванной будто стал плотнее. Стены сжимались. Фрэнк навалился плечом, потом снова дёрнул ручку, до боли в пальцах. В голове вспыхивали обрывки сна, крики, лица, мокрые следы на полу.

Наконец что-то поддалось. Щёлкнул замок, и дверь распахнулась так внезапно, что Фрэнк вывалился в коридор.

Он стоял, прижавшись к стене, тяжело дыша. Сердце колотилось неровно, будто всё ещё искало выход.

Он пришёл в себя быстро. Злость заняла место страха.

— Отстань от меня, — выкрикнул Фрэнк. — Сдохни уже.

«Сдохни, сдохни, сдохни» – повторял Фрэнк, спускаясь по лестнице и направляясь к сараю.

Он нашёл кувалду почти сразу – тяжёлую, с потемневшей от времени рукоятью. Фрэнк легко поднял её. Физическая сила, доставшаяся ему от отца, сейчас будет использована.

Поднимаясь по лестнице в родительскую спальню, Фрэнк чувствовал, как внутри поднимается ярость. Не истеричная, не слепая – собранная, плотная. Та самая, которую он всю жизнь старательно прятал, потому что слишком хорошо знал, откуда она.

Комната встретила его запахом нафталина и старых тканей. Всё здесь стояло на своих местах, как будто хозяин просто вышел ненадолго. Кровать аккуратно заправлена. Шкаф закрыт. На стуле – сложенная рубашка.

Фрэнк сжал кувалду.

Первый удар пришёлся по комоду. Дерево треснуло с сухим, удовлетворяющим звуком. Второй – по зеркалу. Кровать, шкафы всё должно быть сломано. Фрэнк громил комнату пока руки не начали гудеть, пока дыхание не стало рваным.

— Ты здесь больше не главный, — сказал он, не повышая голоса.

И начал выкидывать вещи в окно – куртки, рубашки, тяжёлые ботинки. Они падали на землю бесформенной кучей, как сброшенная кожа. Следом полетели ящики и обломки мебели.

На улице он развёл костёр. Не аккуратный и продуманный – настоящий, жадный. Огонь принял вещи охотно. Ткань скручивалась, дерево трещало, металл нагревался и темнел. Фрэнк стоял рядом, чувствуя, как жар касается лица.

Огонь догорал медленно. Фрэнк не торопился уходить. Он стоял, глядя, как пламя теряет силу, как яркость уступает месту тусклому красному свету углей. Жар спадал, и вместе с ним уходило напряжение, оставляя после себя пустоту.

На месте костра осталась зола – серая, рыхлая, уже не похожая ни на ткань, ни на дерево. Фрэнк провёл по ней носком ботинка, рассеял тонкий слой, и в этот момент понял: в этом больше нет вещей. Нет рубашек, нет мебели, нет следов комнаты. Но это не могло оставаться здесь. Это должно быть там, где ему место.

Фрэнк собрал золу в мешок, закинул его в кузов пикапа и завёл мотор. Надо заехать на старое кладбище.

Старый пикап ехал по размокшей от дождя дороге, разбрасывая вокруг комья липкой грязи. Тяжёлые, медленные, серые. Как мысли Фрэнка. Постепенно безразличие и усталость заменили собой все чувства, kloкотавшие внутри.

«Отпустить всё это. Закончить и отпустить, – думал Фрэнк. — Я должен похоронить его. Похоронить отца. Нет, скорее убедиться, что он там, на кладбище. Понять, что его больше нет. Больше никого нет. А ведь я не попрощался с ними. Ни с кем из них. А кто стоил того, чтобы с ним попрощались, чтобы стоять у его могилы? Никто. Кроме Джона. Да, Джон был не таким, как наш отец, но он хотел остаться. Брат, где ты теперь? Где-то здесь, я знаю. Ты так любил эти места, больше, чем они того заслуживают.

Но дом, этот чёртов дом – в нём всё воспоминание, всё, что было в прошлом – стало моим настоящим. Закончить быстрее дела с наследством и уехать. Оставить прошлое здесь. Похоронить, всё похоронить».

У ворот кладбища Фрэнк остановил пикап и несколько минут сидел неподвижно, собираясь с духом, словно перед прыжком в ледяную воду.

«Давай Фрэнк, закончи с этим», — подбодрил он себя и, наконец, вышел из машины.

В воздухе витал запах влажной земли и сосен. Старое кладбище встретило Фрэнка молчаливым безразличием. Те же старые надгробия, поросшие мхом, которые он так любил разглядывать в детстве. Теперь они казались отвратительными. Всё, от чего он так стремился уехать, было здесь. Смотрело на него, ждало правильных действий.

Найдя могилу отца, Фрэнк несколько раз прочитал надпись на надгробной плите, словно хотел убедиться, что это именно та могила. Да, точно он, Ричард Хардвик. Фрэнк высыпал золу из мешка на могилу.

— Прощай. Прощай... отец. — Потом окинул взглядом могилы остальных родственников. — Прощайте все. Оставайтесь здесь, в земле, которой вы так дорожили.

Порывы неожиданно холодного ветра заставили Фрэнка поёжиться. Он развернулся, собираясь уйти, и тут заметил на кладбище ещё человека. Высокий худой мужчина в сером пальто стоял в отдалении. Он показался Фрэнку знакомым и, желая рассмотреть его поближе, Фрэнк сделал несколько шагов навстречу.

— Эй, извините, я вас знаю?

— Да, — ответил мужчина, оставаясь на месте. — Я точно помню тебя, Фрэнк.

— Томас? — не веря с

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.